

нения к изучению конструкций типа *Ребенок был послушен/послушный/послушным* "бисинхронного метода" (термин П. Гарда), т.е. включающего элементы сопоставления разных синхронных срезов языка. Заявленный в разделе (однако, следует признать, не слишком навязчиво проводимый) диахронический взгляд на объект изучения существенно видоизменяет демонстрируемую в остальных разделах синхронную модель ФГ. Между тем проблема развития категорий и полей самым непосредственным образом перекликается с основополагающими идеями функционального подхода к языковым явлениям и, возможно, требует более пристального внимания и углубленного осмысления в рамках теории ФГ (такого внимания, бесспорно, заслуживают проявляющиеся на синхронном срезе тенденции грамматикализации и деграмматикализации средств выражения семантических категорий в рамках самых разных ФСП).

Заключительный раздел главы посвящен проблемам компаративности, которая, вопреки первоначальному плану (см. [1]) рассмотрена (и это правильно) не как самостоятельное ФСП наряду с ФСП качественности, а в рамках последнего [5, с. 107–160]. В начале главы В.П. Берков обсуждает общие вопросы семантики сравнения и типов ее выражения разными частями речи – не только прилагательными и наречиями, но также глаголами (*превзойти*, *уступить*) и существительными (*песнь песней*, *чудо из чудес*). Ю.П. Князев ставит вопрос о различных точках отсчета при эксплицитном и имплицитном сравнении: в первом случае стандартом сравнения являются конкретные сопоставимые предметы или явления (*Она была куда моложе мужа*), во втором – обобщенные представления о норме проявления признака (ср. параметрические прилагательные типа *большой* – *маленький*, выражающие превышение/недостижение нормы): автор описывает различные языковые формы выражения обоих видов сравнения и обсуждает проблему совместимости разных точек отсчета при сравнении [5, с. 129–145]. Д.М. Калашник рассматривает вопрос разграничения суперлатива и элатива, элативных и собственно суперлативных ситуаций [5, с. 145–160].

Глава II тома [5] посвящена обсуждению проблем категории количественности. А.В. Бондарко кратко характеризует категорию количественности и соответствующее полицентрическое поле, которое в силу своей сложности может быть интерпретировано как макрополе с вычленимыми более дробными полями (количественность именная и глагольная, определенная и неопределенная и т.д.). Общие проблемы количественности рассматривают также А.Е. Супрун ("Общая характеристика семантики количественности") и Д.И. Эдельман ("Поле количественности и категория единичного/общего") [5, с. 162–

181]. Д.И. Руденко анализирует вопросы именной количественности (имена исчисляемые и неисчисляемые, собирательные, собственные) [5, с. 181–214], А.Н. Жукова демонстрирует количественные характеристики имени в корякском языке [5, с. 214–219]. И.Б. Долинина возвращает читателя к проблематике количественности в сфере предикатов (множественность итеративная, мультипликативная, дистрибутивная и т.д.), уже рассмотренной ранее в ряде существенных моментов В.С. Храковским [1, с. 124–152].

В заключительном томе [6] обсуждается ряд семантических категорий и полей, реализуемых на уровне строения и деривационного расширения высказывания (локативность, бытийность, посессивность и обусловленность).

ФСП локативности, образуемое средствами простого (сочетание предиката с субстантивными и адverbialными показателями пространственной ориентации) и сложного предложения (с придаточными места) трактуется в [6] как поле моноцентрического типа, роль центра в котором выполняет не грамматическая категория, а комплекс разноуровневых средств [6, с. 5]. В рамках данного издания проанализированы в основном монопредикативные конструкции. Функционально-семантическое поле предикатов локализации рассмотрено В.Г. Гаком, проанализировавшим не только основные, но и вторичные формы выражения пространственных отношений (*Книга содержит пять глав = В книге пять глав*), а также вторичные функции пространственных синтаксических моделей (*Дом был в огне = Дом горел*) [6, с. 6–24]. Локативность и вопрос соотношены в разделе, написанном Е.В. Рахилиной, рассмотревшей вопросительные конструкции, содержащие вопросительное слово *где*, вопрос к глаголам движения, вопрос о направлении и траектории движения и др. [6, с. 27–51].

Возвращаясь к поставленной ранее проблеме взаимодействия ФСП (а внутри ФСП – его компонентов), можно было бы отметить не в полной мере исследованные в трудах данной серии аспекты участия в системе ФГ словообразовательных механизмов. В частности, в связи с характеристикой ФСП локативности могли бы быть рассмотрены достаточно хорошо описанные в специальной литературе словообразовательные категории места действия, разного рода вместилищ и т.п.

Бытийность трактуется как "семантическая категория, объединяющая различные варианты значений существования, бытия, наличия" [6, с. 52]. В ФСП бытийности выделены два центра: конструкции с предикатами существования и номинативные конструкции типа *Зима*; *Шум*. В рецензируемом труде детальнее проанализированы конструкции первого типа. Бытийные ситуации русского языка подробно представлены М.Д. Во-